

1001 ночь.

Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане и его сыне ШаррКане, и другом сыне Дау-аль Макане, и о случившихся с ними чудесах и диковинах

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 45-50](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 51-56](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 57-62](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 63-68](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 69-74](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 75-80](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 81-86](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 87-92](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 93-98](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 99-107](#)

Шестьдесят девятая ночь

Когда же настала шестьдесят девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Шарр-Кан услышал эти слова, его сердце встревожилось, и лицо его пожелтело, и на него напала дрожь, и он опустил голову к земле. И, поняв, что Нузхат-аз-Заман и его сестра и они от одного отца, он лишился чувств, а очнувшись, он пришел в изумление, но не осведомил царевну о себе. "О госпожа, – спросил он ее, – ты дочь царя Омара ибн ан-Нумана?" – "Да", – отвечала она ему. И Шарр-Кан сказал ей: "Расскажи мне, почему ты рассталась со своим отцом и тебя продали?"

И она рассказала ему обо всем, что с ней случилось, с начала до конца: и как она оставила брата больным в Иерусалиме и как бедуин похитил ее и продал купцу. И когда Шарр-Кан услышал это, он убедился, что Нузхатаз-Заман его сестра и они от одного отца.

"Как же это я женился на своей сестре! – подумал он. – Клянусь Аллахом, мне необходимо выдать ее за кого-нибудь из моих придворных. А если что-нибудь выяснится, я скажу, что развелся с нею раньше, чем стал ее мужем, и выдам ее за старшего из придворных". И, подняв голову, он вздохнул и сказал: "О Нузхат-аз-Заман, ты действительно моя сестра. И я скажу: "Прошу прощения у Аллаха за тот грех, в который мы впали. Я Шарр-Кан, сын царя Омара ибн ан-Нумана". И Нузхатаз-Заман взглянула на Шарр-Кана и хорошенько всмотрелась в него, и, узнав его, она почти лишилась рассудка и с плачем стала бить себя по липу и воскликнула: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! Мы впали в великий грех! Что делать и что я скажу отцу и матери, когда они меня спросят: "Откуда у тебя эта дочь?" – "Лучше всего, – сказал Шарр-Кан, – выдать тебя за царедворца и дать тебе воспитывать мою дочь у него, в его доме, чтобы никто не узнал, что ты моя сестра. Это предопределил нам Аллах великий ради дела, удобного ему, и мы будем сокрыты, только если ты выйдешь за этого царедворца раньше, чем кто-нибудь узнает".

И он стал ее уговаривать и целовать ее в голову, и она спросила: "А как же мы назовем дочку?" А ШаррКан отвечал: "Назови ее Кудья-Факан". И он выдал Нузхат-аз-Заман замуж за старшего царедворца и перевел ее в его дом вместе с дочерью. И девочку воспитали на плечах невольниц и давали ей питье и разные порошки.

А брат Нузхат-аз-Заман, Дау-аль-Макан, был все это время с истопником в Дамаске. И вот в какой-то день прибыл на почтовых гонец от царя Омара ибн ан-Нумана к царю Шарр-Кану, и с ним было письмо. И Шарр-Кан взял письмо и прочитал, и в нем после имени Аллаха, стояло: "Знай, о славный царь, что я сильно опечален разлукою с детьми, так что лишился сна и меня не покидает бессонница. Я посылаю тебе это письмо. Сейчас же по прибытии его приготовь нам деньги и подать и пошли с ними ту невольницу, которую ты купил и взял себе в жены. Я хочу ее видеть и услышать ее слова, так как к нам прибыла из земли румов старуха праведница и с нею пять невольниц, высокогрудых дев. Они овладели науками и знанием и всеми отраслями мудрости, которые надлежит знать человеку, – язык бессилен описать все виды науки, добродетели и мудрости. И, увидав девушек, я полюбил их великой любовью и захотел, чтобы они были в моем дворце и под моей властью, так как им не найдется равных у прочих царей. И я спросил старую женщину об их цене, и она мне ответила: "Я продам их только за подать Дамаска". Клянусь Аллахом, я не считаю, что это большая цена за них (каждая из девушек стоит всех этих денег). И я согласился на это и ввел их в мой дворец, и они находятся в моей власти. Поторопись же с податью, чтобы женщина отправилась в свои земли, и пришли к нам твою невольницу – пусть она состязается с девушками перед мудрецами. И если она одолеет их, я пришлю ее к тебе и подать Багдада вместе с нею..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до семидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до семидесяти, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Омар ибн ан-Нуман говорил в своем письме: "И пришли к нам твою невольницу, пусть она состязается с девушками перед мудрецами, и если она победит их, я пришлю ее к тебе, а вместе с нею подать Багдада".

И когда Шарр-Кан узнал об этом, он обратился к своему зятю и сказал ему: "Приведи невольницу, которую я дал тебе в жены!" И Нузхат-аз-Заман пришла, и Шарр-Кан ознакомил ее с письмом и сказал ей: "О сестрица, что ты думаешь об ответе?" – "Верное мнение – твое мнение", – ответила Нузхат-аз-Заман. А затем она, стосковавшаяся по близким и родине, сказала: "Отошли меня вместе с моим мужем, царедворцем, чтобы я могла рассказать отцу мою повесть и поведать о том, что произошло у меня с бедуином, который продал меня купцу, и сообщить ему, что купец продал меня тебе, а ты выдал меня за царедворца после того, как освободил меня".

И Шарр-Кан ответил: "Пусть будет так!" А затем он взял свою дочь Кудьш-Факан и отдал ее нянькам и слугам и принялся готовить подать, которую он вручил царедворцу, приказав ему отправиться с девушкой и податью в Багдад.

И Шарр-Кан назначил ему носилки, в которых бы он сидел, а для девушки он назначил другие носилки. И царедворец ответил ему: "Слушаю и повинуюсь!" А ШаррКан снарядил верблюдов и мулов и написал письмо и отдал его царедворцу. Он простился со своей сестрой Нузхат-аз-Заман (а жемчужину он у нее отобрал и повесил ее на шею своей дочери на цепочке из чистого золота); и царедворец выехал в ту же ночь. И случилось так, что Дау-аль-Макан и с ним истопник вышли прогуляться возле шатра. И они увидели бактрийских верблюдов, нагруженных мулов и светильники и светящие фонари. И Дау-аль-Макан спросил об этих тюках и их владельце, и ему сказали: "Это подать Дамаска, и она едет к царю Омари ибн ан-Нуману, владыке города Багдада". – "А кто предводитель этого каравана?" – спросил Дау-аль-Макан. "Старший царедворец, что женился на девушке, которая преуспела в науке и мудрости", – сказали ему.

И тут Дау-аль-Макан горько заплакал и задумался, вспоминая свою мать, и отца, и сестру, и родину. "Нет больше здесь для меня места, – сказал он истопнику. – Я отправлюсь с этим вот караваном и пойду понемногу, пока не достигну родины". – "Я не был спокоен за тебя на пути из Иерусалима в Дамаск, так как же я спокойно отпущу тебя в Багдад! – воскликнул истопник. – Я буду с тобою вместе, пока ты не достигнешь свой цели!" "С любовью и охотой", – ответил Дау-аль-Макан.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И истопник принялся снаряжать его и оседлал ему осла и положил на осла его мешок, а в мешок он сложил кое-какие запасы. И, затянув пояс, он приготовился и стоял, пока мимо него не прошли все тюки. А царедворец ехал на верблюде, и пешая свита окружала его. И Дау-аль-Макан сел на осла истопника и сказал истопнику: "Садись со мной", по тот отвечал: "Я не сяду, во буду служить тебе". – "Ты непременно должен немного проехать на осле", – воскликнул Дау-аль-Макан. И тот ответил: "Пусть будет так, если я устану". – "Ты увидишь, брат мой, как я вознагражу тебя, когда приеду к своим родным", – сказал Дау-аль-Макан. И они ехали непрерывно, пока не взошло солнце, а когда настало время полуденного отдыха, придворный приказал сделать привал. И путники спешились и отдохнули и напоили своих верблюдов, а затем он велел отправляться.

И через пять дней они достигли города Хама и остановились и пробыли там три дня..."

И Шахразадy застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьдесят первая ночь

Когда же настала семьдесят первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что они провели в городе Хама три дня, а потом поехали и ехали беспрерывно до тех пор, пока не достигли другого города, в котором провели три дня, а затем они поехали и вступили в Диар-Бекр, и на них повеял ветерок Багдада. И Дау-аль-Макан вспомнил о своей сестре Нузхат-аз-Заман, об отце и о матери и подумал, как он вернется к отцу без сестры, и заплакал и застонал и начал жаловаться, и его печали усилились. И он произнес такие стихи:

"О други, доколь терпеть и медлить придется мне?

И нету ко мне от вас гонца, чтоб поведать мне.

Ведь дни единения так кратки, поистине!

О, если б разлуки срок короче мог сделаться!

Вы, за руку взяв меня, откиньте одежд покров

Увидите, как я худ, но скрыть худобу хочу.

И если кто скажет мне: "Утешься!" – скажу ему:

"Клянусь, не утешусь я до дня воскресенья".

И истопник сказал ему: "Прекрати этот плач и стенания, мы близко от шатра царедворца". Но Дау-альМакан воскликнул: "Я обязательно должен говорить какие-нибудь стихи, быть может огонь в моем сердце погаснет". "Ради Аллаха, – сказал истопник, – оставь печаль, пока не прибудешь в свою страну, а потом делай, что хочешь. Я буду с тобою, где бы ты ни был". – "Клянусь Аллахом, я не перестану", – воскликнул Дау-альМакан и обратился лицом в сторону Багдада.

А луна сияла и изливала свой свет, и Нузхат-аз-Заман не спала этой ночью; она беспокоилась и вспоминала о своем брате Дау-аль-Макане и плакала. И, плача, она вдруг услышала, как ее брат Дау-аль-Макан плакал и говорил такие стихи:

"Луч блеснул зарниц йеменских,

И тоскою я охвачен

По любимом, бывшем близко,

Что поил привета чашей.

Он напомнил о метнувшем

Мне стрелу в моем жилище,

О сияние зарницы,

Возвратятся ль дни сближенья?

О хулитель, не брани же!

Испытал меня господь мой

Тем возлюбленным, что скрылся,

И судьба меня сразила,

И ушла услада сердца,

Когда время отвернулось.

Поит он меня заботой,

Неразбавленною в чаше,

И себя я вижу, друг мой,

Мертвым прежде единенья.

Время! К нам с любовью детской

Воротись скорей с приветом,

С безопасностью счастливой.

От стрелы, меня сразившей,

Кто поможет чужеземцу,

Что с испуганным спит сердцем?

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Одинок в своем он горе,

Потеряв Усладу Века [137].

Овладели нами силой

Руки сыновей разврата".

А окончив свои стихи, он закричал и упал без чувств. Вот что было с ним.

Что же касается Нузхат–аз–Заман, то она этой ночью бодрствовала, так как ей вспомнился в этом месте ее брат. И, услышав среди ночи голос, она отдохнула душой и поднялась, обрадованная, и позвала евнуха. "Что тебе надо?" – спросил он. И Нузхат–азЗаман отвечала: "Пойди и приведи мне того, кто говорит эти стихи". – "Я не слышал его", – сказал евнух..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьдесят вторая ночь

Когда же настала семьдесят вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Нузхатаз–Заман услышала стихи своего брата, она позвала старшего евнуха и сказала ему: "Пойди приведи мне того, кто говорил эти стихи". – "Я не слышал его и не знаю, кто он. И все люди спят", – отвечал евнух. По Нузхат–аз–Заман сказала: "Всякий, кого ты увидишь бодрствующим, и есть тот, кто говорил стихи".

И евнух стал искать и увидел, что не спят только истопник и Дау–аль–Макан (а он был в забытьи). И когда истопник увидел, что евнух стоит над его головой, он испугался его, а евнух спросил: "Это ты говорил стихи? Моя госпожа услышала тебя". И истопник подумал, что госпожа рассердилась из–за того, что говорили стихи, и испугался и отвечал: "Клянусь Аллахом, это не я!" – "Л кто же это говорил? – спросил евнух, укажи мне его, ты его знаешь, так как ты не спал".

И истопник испугался за Дау–аль–Макана и подумал: "Может быть, этот евнух ему чем–нибудь повредит". – "Клянусь Аллахом, я не знаю его", сказал он. И евнух воскликнул: "Клянусь Аллахом, ты лжешь! Здесь нет никого, кто бы сидел и не спал, кроме тебя. Ты знаешь его!" – "Клянусь Аллахом, – отвечал истопник, – я скажу тебе правду. Тот, кто говорил стихи, – человек, проходивший по дороге; это он испугал и встревожил меня, воздай ему Аллах!" – "Если ты знаешь его, – сказал евнух, – проводи меня к нему, я его схвачу и приведу к носилкам, в которых наша госпожа, или ты сам схвати его своей рукой". – "Уйди, а я приведу его к тебе", – сказал истопник.

И евнух оставил его и удалился. Он вошел к своей госпоже и сообщил ей об этом и сказал: "Никто его не Знает, это только прохожий на дороге". И Нузхат–аз–Заман промолчала. Что же касается Дау–аль–Макана, то, очнувшись от обморока, он увидел, что луна достигла середины неба, и на него повеял предрассветный ветерок и взволновал в нем горести и печали.

И Дау–аль–Макан прочистил голос и хотел говорить стихи, а истопник спросил его: "Что это ты хочешь делать?" – "Я хочу сказать какие–нибудь стихи, чтобы погасить огонь моего сердца", – ответил Дау–аль–Макан. Л истопник сказал: "Ты не знаешь, что со мной случилось! Я только потому спасся от смерти, что уговорил евнуха". – "А что же было? Расскажи мне, что случилось", – спросил Дау–аль–Макан.

И истопник ответил: "О господин, ко мне пришел евнух, когда ты был без чувств, и у него была длинная палка миндального дерева. Он всматривался в лица людей, которые спали, и спрашивал, кто говорил стихи, но никого не нашел бодрствующим, кроме меня. И когда он спросил меня, я сказал: "Это прохожий на дороге". И евнух ушел, и Аллах спас меня от него, а иначе он убил бы меня. И он сказал мне: "Когда ты услышишь его еще раз, приведи его к нам".

Услыхав это, Дау–аль–Макан заплакал и воскликнул: "Кто помешает мне говорить стихи! Я буду говорить, и пусть со мной случится то, что случится! Я близко от моей страны и не стану ни о ком думать". – "Ты хочешь только погубить свою душу!" – воскликнул истопник. Но Дау–аль–Макан сказал: "Я непременно буду говорить!" И тогда истопник вскричал: "С этого места между нами легла разлука! Я намеревался не расставаться с тобой, пока ты не вступишь в твой город и не встретишься со своим отцом и матерью! Ты пробыл у меня полтора года, и я не причинил тебе ничего дурного. Что это тебя подпало говорить стихи, когда мы до крайности устали от ходьбы и бессонницы! Все люди прилегли отдохнуть от усталости, и они нуждаются во сне". – "Я не отступлюсь от того, что делаю!" – воскликнул Дау–аль–Макан. И горести взволновали его, и он обнаружил затаенное и произнес такие стихи:

"Постой у жилища ты, приветствуя стан пустой,

И к ней воззови – ответ, быть может, подаст она.

И если обитает тебя ночь тоски по ней,

Во урагане зажги огонь от пламени страсти ты.

Не диво, что коль шуршит змеею пушок его,

Я жгучий укус сорву, срывая румянец губ.

О рай! Ты покинут был душой моей нехотя!

Блаженства навек я жду, не то б я погиб в тоскою.

И еще он произнес такие два стиха:

"Мы жили, и были дни нам верными слугами.

И жили мы вместе все в жилище прекраснейшем.

А окончив свои стихи, он издал три крика и упал на землю без чувств, и истопник поднялся и накрыл его. А Нузхат–аз–Заман, услышав первые стихи, вспомнила своего брата, отца и мать, а услышав вторые стихи, заключавшие упоминание ее имени, имени ее брата и их общего обиталища, она заплакала и кликнула евнуха и сказала ему: "Горе тебе! Тот, кто произнес стихи в первый раз, произнес их и во второй раз, и я слушала его близко от себя. Клянусь Аллахом, если ты не приведешь его ко мне, я разбужу царедворца, и он тебя побьет и выгонит! Но возьми эти сто динаров, отдай их тому человеку и приведи его ко мне, только ласково, не причиняя ему вреда. А если он не согласится, дай ему этот мешок с тысячей динаров; если же он откажется – оставь его и узнай, где он находится и какое его ремесло и из каких он земель. И возвращайся ко мне скорее и не пропадай..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьдесят третья ночь

Когда же настала семьдесят третья ночь третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Нузхатаз–Заман послала евнуха искать того человека и сказала ему: "Берегись возвратиться ко мне и сказать: "Я не нашел его!" И евнух вышел и стал колотить людей и топтать их в палатках, но не нашел никого бодрствующим, – все люди от усталости спали. Но, дойдя до истопника, он увидел, что тот

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

сидит с непокрытой головой, и, приблизившись к нему, схватил его за руку и спросил: "Это ты говорил стихи?" И истопник испугался за себя и сказал: "Нет, клянусь Аллахом, о начальник людей, это не я!" – "Я не оставлю тебя, – сказал евнух, – пока ты не покажешь мне того, кто говорил стихи. Я боюсь гнева моей госпожи, если вернусь к ней без него".

Услышав слова евнуха, истопник испугался за Дауаль–Макана и, горько плача, сказал евнуху: "Клянусь Аллахом, это не я, и я его не знаю, я только слышал, как один человек, прохожий на дороге, говорил стихи. Не впадай из–за меня в грех: я чужеземец и пришел вместе с вами из Иерусалима, города друга Аллаха". – "Пойдем со мной. Расскажи это моей госпоже своими устами. Я никого не видел бодрствующим, кроме тебя", – сказал евнух. И истопник воскликнул: "Разве ты не пришел и не видел меня там, где я сижу? Ты знаешь мое место, и никто не может никуда тронуться, – его схватят сторожа. Иди же к себе, и если ты с этой минуты еще раз услышишь, что кто–нибудь говорит стихи, – все равно, далеко он или близко, это буду я или кто–нибудь, кого я знаю. И ты узнаешь о нем только от меня). Потом он поцеловал евнуху голову и стал его уговаривать. И евнух оставил его, но, обойдя один раз кругом лагеря, он спрятался и встал позади истопника, боясь вернуться к своей госпоже без пользы.

А истопник подошел к Дау–аль–Макану, разбудил его и сказал: "Поднимайся, садись, я расскажу тебе, что случилось". И Дау–аль–Макан поднялся, и истопник рассказал ему, что произошло, и юноша воскликнул: "Оставь меня, я больше не буду раздумывать и ни с кем не стану считаться: моя страна близко". – "Почему ты слушаешься своей души и сатаны? Ты никого не боишься, но я боюсь и за тебя и за себя", – сказал истопник. "Заклинаю тебя Аллахом, не говори больше никаких стихов, пока не вступишь в свою страну. Я не думал, что ты в таком состоянии. Разве ты не знаешь, что эта госпожа, жена царедворца, хочет тебя прогнать, потому что ты встревожил ее? Она, кажется, больна или не спит, устав с дороги и далекого пути. Вот уже второй раз она посылает евнуха искать тебя".

Но Дау–аль–Макан не посмотрел на слова истопника, а закричал третий раз и произнес такие стихи:

"Оставил я хулителей,

Хулою их встревоженный,

Хулят они, не ведая,

Что этим подстрекают лишь.

Сказал доносчик: "Он забыл!"

Я молвил; "В любви к родине!"

Сказали: "Как прекрасен он!"

Я молвил: "О, как я влюблен!"

Сказали; "Как возвышен он!"

Я молвил: "Как унижен я!"

Хоть выпью чашу гибели!

Не подчинюсь хулителю,

Что за любовь корит к ней".

А пока юноша говорил стихи, евнух слушал его, притаившись, и едва он перестал говорить и дошел до конца, как евнух уже был над его головой. И при виде его истопник убежал и встал поодаль, смотря, что произойдет между ними.

И евнух сказал: "Мир вам, о господин!" И Дау–аль–Макан отвечал: "И с вами мир и милость Аллаха и его благословение!" – "О господин", – сказал евнух..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьдесят четвертая ночь

Когда же настала семьдесят четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что евнух сказал Дау–аль–Макану: "О господин, я приходил к тебе сегодня ночью три раза, так как моя госпожа звала тебя к себе". – "А откуда эта сука, которая меня требует, прокляни ее Аллах и прокляни он ее мужа вместе с нею!" – воскликнул Дау–аль–Макан и напустился на евнуха с бранью, а евнух не мог ему отвечать, так как госпожа велела ему не обижать юношу и привести его только по собственному желанию, а если он не пойдет, дать ему сто динаров.

И евнух повел мягкие речи и говорил ему: "О господин, возьми это и пойдем со мной! О дитя мое, мы не погрешили перед тобою и не обидели тебя. Нужно только, чтобы твои благородные шаги привели тебя со мною к моей госпоже. Ты получишь от нее ответ и вернешься во здравии и благополучии. Для тебя будет у нас великая радость".

Услышав это, юноша поднялся и пошел среди людей, переступая через них, а истопник шел за ним и смотрел на него и говорил про себя: "Пропала его юность! Завтра его повесят!"

И истопник шел до тех пор, пока не приблизился к тому песту, куда они направлялись (а они не видели его). И тогда он остановился, думая: "Как низко будет, если он скажет на меня: "Это он сказал мне – говори стихи".

Вот что было с истопником. Что же касается Дау–альМакана, то он до тех пор шел с евнухом, пока не достиг места. И тогда евнух вошел к Нузхат–аз–Заман и сказал ей: "О госпожа, я привел тебе того, кого ты требовала. это юноша красивый липом, и на нем следы благоденствия". И когда Нузхат–аз–Заман услышала это, ее сердце затрепетало, и она воскликнула: "Пусть он скажет какиенибудь стихи, чтобы я услышала его вблизи, а потом спроси, как его имя и из какой он страны".

И евнух вышел и сказал ему: "Говори, какие знаешь, стихи, госпожа здесь вблизи слушает тебя. А после я спрошу тебя о твоем имени, твоей стране и твоем положении". – "С любовью и охотой, – отвечал Дау–аль–Макан, – но если ты спросишь о моем имени, то это стерлось, и образ мой исчез, и тело мое истощено. А моя повесть – начало ее неизвестно и конец ее нельзя изложить. И вот я точно пьяный, который выпил много вина, не скупясь для себя, и его охватило похмелье, так что он блуждает, сам себя потеряв, не зная, что делать и утонув в море размышлений".

Услышав эти слова, Нузхат–аз–Заман заплакала, и ее плач и стоны умножились. "Спроси его, не покинул ли он кого–нибудь из любимых, например отца и мать?" – сказала она евнуху. И тот спросил его, как приказала ему Нузхат–аз–Заман.

И Дау–аль–Макан ответил: "Да, я покинул их всех, и мне всех дороже моя сестра, с которой меня разлучил рок".

Нузхат–аз–Заман промолчала, услышав, что он произнес эти слова. И потом она воскликнула: "Аллах великий да сведет его с теми, кого он

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
любит!.."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.